

УДК 398(049.32)

DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-136-142

Тувинский анклав в Синьцзяне:
культура народа в иноэтническом окружении

Рецензия на кн.: Юша Ж.М.

Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века:

Структура. Семантика. Прагматика.

Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.

Сергей Ю. Неклюдов

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ,

Москва, Россия, sergey.nekludov@gmail.com

Для цитирования: Неклюдов С.Ю. Тувинский анклав в Синьцзяне: культура народа в иноэтническом окружении. [Рец.]: Юша Ж.М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 136–142. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-136-142

The Tuvan enclave in Xijiang:
a people's culture in a nonethnic environment

A review of: Yusha, Zh.M. (2018), Folklore and ritual
of the Tuvans of China in the beginning of the 21st century.
Structure. Semantics. Pragmatics, Nauka, Novosibirsk, Russia

Sergei Yu. Neklyudov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Moscow, Russia, sergey.nekludov@gmail.com

For citation: Neklyudov, S.Yu. (2019), "The Tuvan enclave in Xijiang: a people's culture in a nonethnic environment", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 3, pp. 136–142. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-3-136-142

Монография Ж.М. Юши посвящена исследованию народной культуры небольшой группы тувинцев, проживающих за пределами своей исторической родины, в Китае, в иноэтническом и иноязычном окружении. До нынешнего времени данный предмет оставался почти совсем неизученным, поэтому перед автором прежде всего стояла задача полного обследования анализируемой традиции – в соответствии с принципами современной фольклорно-антропологической науки, систематизации полученных данных, введения их в более широкие культурно-географические и типологические контексты.

В основе работы лежат собственные экспедиционные материалы автора, т. е. полученные им не опосредованно, а «из первых рук»¹, что чрезвычайно повышает ценность используемых данных и верификационную убедительность их рассмотрения. Важным моментом является также то, что автор всюду, где только возможно, привлекает сведения о современном бытовании изучаемых культурных текстов и практик, не пренебрегая теми случаями, в которых фольклорист и этнограф зачастую выключают диктофон, поскольку в подобных записях склонны видеть лишь свидетельство деградации и разрушения изучаемого предмета. В противоположность этому оптика собирателя и исследователя имеет у Ж.М. Юши широкий фокус, позволяющий создать стереоскопически объемную и объективную картину бытования традиции. Существенно, наконец, что автор не ограничивается историческими сведениями, собранными в первой главе, – практически все анализируемые фольклорно-этнографические факты представлены не только дескриптивно, но и в историческом ракурсе, а это позволяет судить об их культурной многослойности.

После вступительной части, посвященной общему историографическому обзору работ о тувинцах Китая, автор переходит к этническому составу, этнической идентификации, самоназванию и численности изучаемой группы, к ее истории, хозяйству, материальной культуре, религиозным представлениям; далее речь идет о статусе тувинского языка (включая зоны его распространения), о проблемах его сохранения и о вопросах лингвистической интерференции в данном регионе. Касается автор также самых

¹ Список информантов включает более полутора десятка имен.

современных тем, относящихся к местной культурной ситуации: к образовательной системе, взглядам населения на будущее, этнотуризму, телевидению, Интернету, мобильному телефону.

Обращаясь к устным традициям тувинцев, Ж.М. Юша рассказывает о героическом эпосе, сказках, несказочной прозе, народной песне, «малых» жанрах и – более обстоятельно – об обрядовых формах, включая их «культурные коды». Обосновываются теоретические аспекты исследования, причем «фольклор» и «обряд» рассматриваются как единый культурный текст. Особо (также в сравнении с тувинцами России и Монголии) анализируется обрядовый фольклор «детского цикла», в том числе представления о беременности и родах, обычаи захоронения плаценты, пир по случаю рождения ребенка и первая стрижка волос. Другой подробно рассматриваемый обряд «жизненного цикла» – свадебный фольклорно-этнографический комплекс. Предметом изучения являются виды традиционного брака и его компоненты: брак по сговору, брак умыканием, локализация свадьбы (у родителей невесты; у родителей жениха), традиционные состязания и игры, а также необрядовые игры.

Последняя глава монографии посвящена исследованию календарно-обрядового фольклора – новогоднего (предновогодний этап, встреча Нового года, заключительный этап) и летнего, включая освящение обо; специально характеризуются традиционные состязания в системе календарной обрядности (стрельба из лука, скачки, борьба).

Как обычно бывает при добросовестном и скрупулезном исследовании подобного материала, наблюдения и выводы общего, принципиального, теоретического характера естественно следуют из конкретного рассмотрения, оставляя для внимательного читателя возможность их дальнейшей интерпретации. Такой тип исследования весьма располагает к его использованию в другом предметном поле; в упрек автору можно, пожалуй, поставить лишь то, что теоретико-методологические рефлексии в заключении могли бы быть богаче и полнее.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема монголизмов в тувинских традициях. Монголизмы в книге упоминаются достаточно часто, приводится много примеров (не всегда специально оговариваемых). Существенно, что среди них немалое место занимает фольклорно-мифологическая и ритуально-магическая лексика (с. 67, 147–148, 295–296, 314), причем эти культурно-языковые элементы имеют специфический статус, отличающий их от заимствований из других языков, прежде всего из соседнего (и родственного) казахского. Речь должна идти об особой роли у тувинцев монгольского языка и монгольской словесности,

что обусловлено исторически и политически. Дело не только в буддизме, объединяющем оба народа², но также в использовании монгольской письменности и самого монгольского языка в качестве «своего» литературного языка. С этой точки зрения, я думаю, предпочтительное (по сравнению с казахской арабицей) изучение китайскими тувинцами в школе старомонгольской письменности на самом деле обусловлено не тем, что, «как считают сами тувинцы, эта письменность <...> намного лучше передает звуки тувинского языка» (с. 63), а памятью об устойчивой культурной ориентации (по своему строю тувинский, естественно, гораздо ближе к казахскому, чем к монгольскому, относящемуся к другой языковой семье).

Тем же, по-видимому, обусловлено и то, что «в глазах тувинцев монгольский язык начинает выступать более престижным языком, чем их родной» (с. 74), т. е. опять-таки наблюдается скорее не рождение нового, а возрождение забытого старого. Очевидно, по той же причине происходил переход на монгольский при произнесении восхвалений скакунам (с. 152, 317), а сказители имели двуязычный репертуар (с. 92), «кроме сказаний на тувинском языке, героические сказания исполнялись и на монгольском», включая такие известные тексты, как «Джангар» (тув. «Чаңгар») и «Гэсэр» (тув. «Кезер»)³ (с. 94). Наконец, существенно, что «из всех других народностей для тувинцев на сегодняшний день наиболее предпочтительными брачными партнерами являются монголы. Считается, что они в культурно-конфессиональном плане близки к тувинцам» (с. 212), тогда как казахские обрядовые традиции не заимствуются, хотя тувинцы и живут в соседстве с преобладающим казахским населением (с. 208).

Приведу еще несколько соображений, возникающих при знакомстве с монографией. Не кажется достаточно аргументированным перечень двенадцати «культурных кодов» (акционального, вербального, пищевого, пространственного, персонажного, временного, игрового, числового, цветового, предметного, звукового, музыкального), выполняющих важную роль в структуре обрядов (с. 125 и далее). Нет уверенности, что все перечисленное сле-

² Вспомним «четырёхгранный» Алтай в тувинском фольклоре – это чрезвычайно напоминает мировую гору Сумэру (с. 223–224), которая, согласно буддийской космогонии, имеет вид именно четырехсторонней пирамиды (Буддийская космология, изложенная О. Ковалевским. Казань: Университетская типография, 1837. С. 89–94, 99–103); не здесь ли источник данного образа, включая его шестиугольные и шестигранные модификации?

³ См. подробнее: [Неклюдов 2019, с. 423–426].

дует считать именно «кодами», т. е. определенными знаковыми системами, с помощью которых передается то или иное «культурное сообщение»; так, едва ли к ним относятся «пространственные», «временные» и «персонажные» компоненты обряда.

Исключение зайчатины из рациона беременной женщины (с. 165) вписывается в контекст не только традиций алтайцев, шорцев и хакасов, но также долган: «Нельзя женщине есть мясо зайца – *аньы*, при родах шкурку зайца вешали на *могоһо*. Это специальный шест (устанавливался горизонтально в маленьком чуме *дыка дьиз* перед родами), за который держалась женщина во время родов. Шкурка зайца считается для женщины *Айыһыт* (помощником при родах, оберегом)». Помощником при родах, оберегом и символом божества являлась шкурка зайца, которая прикреплялась к специальному шесту *могоһо*⁴, что, кстати, и вообще свидетельствует об особой роли зайца в ритуально-мифологических традициях, далеко не только тюрко-монгольских.

Запрещение женщинам приходить на священное место и принимать участие в родовом обряде (с. 294) или участвовать только в заключительной (праздничной) его части – пиршестве и проведении спортивных состязаний (с. 324), возможно, связано не только с понятием о ритуальной нечистоте женщины, но также и с неуместностью присутствия на родовом молении женщины-чужеродки (каковыми по определению являются жены и невестки)⁵.

⁴ См. подробнее: [Бетту 2011, с. 291, 296].

⁵ Ср.: «Женщины, как чужеродки, стояли поодаль, но в угощении после окончания моления участие принимали». «Более того, родовой характер происхождения священных гор у северных алтайцев обнаруживается и в других отношениях. Я имею в виду серию запретов по отношению к родовой горе для женщин. У тубаларов, например, замужние женщины не могли называть по имени родовую гору своего мужа, но называли настоящим именем родовую гору своего отца. У челканцев замужние женщины также не могли называть родовые священные горы мужа настоящим именем, а называли их в случае необходимости подставными именами. Женщины не могли быть с непокрытой головой или босыми, находясь в виду у родовой горы мужа, из-за опасения, что почитаемая родовая гора может увидеть женщину без платка и вследствие этого навлечь на нее несчастье. У кумандинцев тоже настоящие имена родовых гор являлись запретными для замужних женщин; замужние женщины не могли подниматься на родовые горы мужа, находиться вблизи них с обнаженной головой. <...> Изложенный материал по запретам в отношении родовых гор, налагавшимся обычаем на замужних женщин, ярко подчеркивает родовой характер почитаемых гор» [Потапов 1946, с. 149, 153–154]. Кстати, в связи с соблюдением невесткой разных запретов

Значение рецензируемой монографии не только для тувиноведения и этнографического изучения данного района Центральной Азии, но и для более широких фольклорно-антропологических разысканий трудно переоценить. Она содержит ценное исследование жанровой специфики обрядового фольклора китайских тувинцев, анализ роли и функции вербального компонента в их ритуальной традиции, взаимосвязей вербального кода с другими культурными кодами, рассмотрение структуры обрядов детского цикла, свадебной обрядности, календарных обрядов, традиционных состязаний и игр.

Издание снабжено весьма полезными приложениями. Это подробный предметно-тематический указатель, а также таблицы, которые включают «коды» родинной, свадебной, новогодней обрядности, летнего обряда освящения обо, список фольклорных жанров и обозначающую их народную терминологию (у тувинцев Китая и России). Следует, наконец, отметить наличие весьма информативного фотоальбома и обстоятельных резюме – не только английского, но и китайского.

Книга написана хорошо, читать ее интересно.

Литература

- Бетту 2011 – *Бетту Л.Д.* Традиционные запреты долган // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2011. № 9 (71)/11. С. 287–297.
- Бурдуков 1936 – *Бурдуков А.В.* Этюды по этнографии калмыков (Связь некоторых этнографических особенностей с речетворческой ролью женщины) // Советская этнография. 1936. № 2. С. 122–124.
- Неклюдов 2019 – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Потапов 1946 – *Потапов Л.П.* Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
- Рамстедт 1957 – *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / Пер. с нем. Л.С. Слоним; под ред. и с предисл. Н.А. Баскакова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 254 с.

по отношению к свекру (с. 255–256), в первую очередь, относящихся к речевому обиходу, вспоминаются соответствующие исследования «женского языка» у калмыков. См.: [Бурдуков 1936, с. 122–124; Рамстедт 1957, с. 221].

References

- Bettu, L.D. (2011), "Traditional taboos of the Dolgans", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philology. Literature and Folklore Studies" Series*, vol. 9, pp. 287–297.
- Burdukov, A.V. (1936), "Studies in ethnography of the Kalmyks (Correlation of some ethnographic specifics to the speech-producing role of woman)", *Sovetskaya etnografiya*, vol. 2, pp. 122–124.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klornyj landschaft Mongolii: Epos knizhnyi i ustnyi* [The folklore landscape of Mongolia: Epics written and oral], Indrik, Moscow, Russia.
- Potapov, L.P. (1946), "The cult of mountains in the Altai region", *Sovetskaya etnografiya*, vol. 2, pp. 145–160.
- Ramstedt, G.I. (1957), *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya* [Introduction to Altaic language studies], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т. Вернадского, д. 82, стр. 1; sergei.nekludov@gmail.com

Information about the author

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119571; sergei.nekludov@gmail.com